

Лобанов Михаил Евстафьевич

**Жизнь и сочинения Ивана
Андреевича Крылова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Евстафьевич Л.**
Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова / Лобанов Михаил Евстафьевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 89 с.

ISBN 978-5-519-93703-0

ISBN 978-5-519-93703-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА

КРЫЛОВА.

—

Недавно еще жилъ среди насъ мужъ высокпхъ достоинствъ, осанистой паружности, котораго бѣлые волосы хотя и напоминали о многихъ годахъ, имъ прожитыхъ, но котораго сила, крѣпость и дородство, казалось, предвѣщали ему исключительное долголѣтіе. Для смерти нѣтъ сильныхъ: мы видимъ уже его могилу.—Миръ праху твоему, знаменитый Россіянинъ! Тебя нѣтъ, но память твоя сдѣлалась славнымъ наслѣдіемъ твоего отечества. Съ Ломоносовымъ, Державинымъ и Карамзинымъ ты перейдешь въ позднѣйшее потомство, и имя твое всеневно будетъ твердиться тысячами юныхъ, едва лепечущихъ устъ до тѣхъ-поръ, пока будетъ во вселенной существовать языкъ русскій.

Всякому изъ насъ, безъ сомнѣнiя, прiятно припомнить и разсказать что-нибудь о согражданинѣ, котораго слава разнеслась по всѣмъ концамъ вселенной, гдѣ только есть хотя слабое понятiе о словесности. Не смѣю надѣяться вполне изобразить его, какъ человѣка и какъ писателя; но къ повѣствованiю другихъ прибавлю въ свою очередь то, что двадцати-пяти-лѣтнее сосѣдство, постоянная и искренняя прiязнь и почти ежедневныя сношенiя съ нимъ сдѣлали мнѣ извѣстнымъ и оставили въ моей памяти.

Иванъ Андреевичъ родился въ Москвѣ 2 февраля 1768 года, скончался въ С.-Петербургѣ 9 ноября 1844 года; жизнь его длилась 76 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 7 дней. Отецъ его, Андрей Прохоровичъ, служилъ штабсъ-капитаномъ въ войскѣ, поражавшимъ Пугачева; онъ отличался при защитѣ города Яицка, за что и былъ Пугачевымъ заранее обреченъ смерти, со всѣмъ его семействомъ. Жена его слѣдовала за нимъ въ походѣ, гдѣ только возможно было, и въ 1772 году она съ дѣтьми своими, и въ томъ числѣ съ четырехлѣтнимъ Иваномъ, отправилась въ Оренбургъ, которымъ злодѣю не удалось овладѣть; но есть преданiе, что гдѣ-то дорогою она подвергалась опасности, и, при поискахъ шайки этихъ бродягъ, спасла малютку Крылова, спрятавши его въ корчагѣ. * По усмирении пугачевского бунта, это семейство переехало въ Тверь, гдѣ отецъ, оставившій военную службу, получилъ мѣсто предсѣдателя въ Тверскомъ губернскомъ магистратѣ, съ чиномъ коллежскаго ассессора. Тутъ, въ родительскомъ домѣ нашъ Крыловъ учился грамотѣ, а первымъ началамъ нѣкоторыхъ наукъ и языковъ въ прiзненномъ семействѣ Львова, вмѣстѣ съ его дѣтьми. Ученiе того времени, конечно, было ограниченное; тогда въ Россiи еще немного было средствъ для образованiя юношества; но малютка, щедро одаренный природою, во всемъ, къ чему только прилежалъ, дѣлалъ большiе успѣхи. Къ изученiю иностранныхъ языковъ, какъ увидимъ въ-послѣдствiи, онъ имѣлъ необыкновенную способность. Во французскомъ языкѣ первые уроки получилъ онъ отъ гувернера, Француза, жившаго у Тверскаго губернатора; потомъ продолжалъ учиться дома, самъ собою, подъ надзоромъ своей матери, Марьи Алексѣевны, о которой онъ всегда вспоминалъ съ любовью. *«Она была простая женщина, говорилъ*

* Это рассказывалъ нѣкогда одинъ изъ посетителей Императорской Публичной Библиотеки, Оренбургскiй помещикъ, человѣкъ почтенный, внушавшiй къ себѣ довѣренность.

онъ, безъ всякаго образованія, но умная отъ природы и исполненная высокими добродѣтелями. Отъ нея-то, кажется, онъ наследовалъ умъ и прекрасныя способности; ибо отецъ его былъ храбрый, но обыкновенный человѣкъ. Онъ лишился его на 13 году своей жизни, т. е., въ 1784 году. Любопытно то, что мать его, чуждая всякаго ученія, даже грамотности, вмѣшивалась въ его упражненія, и, руководствуясь одною природною логикою, перѣдко поправляла его ошибки. Когда онъ читалъ ей переводы, она останавливала его иногда: «Нѣтъ, Ваня, это что-то не такъ! возьми-ко ты французскій словарь, да выправься-ко хорошенько.» Онъ исполнялъ приказанія матери и дѣйствительно находилъ ошибки.

Русскія книги, частью духовныя, частью историческія, также и словари въ небольшомъ количествѣ были въ ихъ домѣ; притомъ онъ доставалъ у знакомыхъ, что только можно было достать въ Твери и, въ то время, пріохоченный благоразумною матерью еще съ дѣтства къ чтенію, то ласками, то подарками, въ-послѣдствіи, съ возрастомъ, онъ пристрастился къ этому занятію и съ жадностію читалъ все, что ни попадалось ему въ руки.

На 14 году отъ роду (1781 года), онъ поступилъ на службу въ Коллежскій уѣздный судъ; потомъ служилъ въ Тверскомъ губернскомъ магистратѣ. Переведенъ въ С.-Петербургскую казенную палату (1782 г.), въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества (1788 г.)—Съ 1790 по 1801 годъ онъ находился въ отставкѣ. Въ это время, т. е., съ 22 по 32 годъ своей жизни, онъ занимался словесностію: участвовалъ въ изданіи журналовъ: 1) *Почта духовъ*, которую издавалъ вмѣстѣ съ капитаномъ Рахмановымъ въ 1789 году; 2) *Зритель*, котораго былъ редакторомъ, вмѣстѣ съ Клаушницкимъ и другими товарищами, въ 1792 году; 3) *С.-Петербургскій Меркурій*, въ 1793 году. Въ этомъ журналѣ напечатаны нѣкоторые изъ его тогдашнихъ стихотвореній: оды, пѣсни и посланія. Прозаическія сочиненія его молодости, всѣ журнальныя статьи и, между ними, двѣ похвальныя рѣчи, первая: Какъ убивать время; вторая: Ермаловиду, и повѣсть Кайбъ—отличаются остроуміемъ и колкостью. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ и статьяхъ сатирическій умъ Крылова осмѣивалъ пороки. Въ введеніи къ Зрителю сказано, что этотъ журналъ издается съ тою цѣлію, чтобъ порокъ, представляемый во всей гнусности, вселялъ отвращеніе, а добродѣтель, изображаемая во всей красотѣ, имѣла собою читателя. Патріотизмъ Крылова, вполне развитый въ послѣд-

нихъ его двухъ комедіяхъ, уже и на 24 году его жизни вездѣ рѣшительно выказывался, и русская душа его, колеблемая въ своихъ правлахъ и думахъ, не измѣнившись въ теченіе почти 77-лѣтней жизни ни отъ какихъ постороннихъ вліяній и прививокъ иноземныхъ, вездѣ и всегда искала пользы своему отечеству, и пѣтъ сомнѣнія, что перо его не мало содѣйствовало къ смягченію и укрощенію нравовъ. *Одну изъ моихъ повѣстей, говорилъ мнѣ Иванъ Андреевичъ, которую уже набирали въ типографіи, потребовала къ Себѣ Императрица Екатерина; рукопись не воротилась назадъ, да такъ и пропала.* Молодой умъ его, вѣроятно, задѣлъ колкимъ перомъ своимъ такое лице, которое Ей угодно было спасти отъ преслѣдованія сатиры.—

Въ 1801 году онъ поступилъ секретаремъ къ Рижскому военному генералъ-губернатору, князю Сергію Ѳеодоровичу Голицыну, и служилъ при немъ по 1803 годъ. Опять вышелъ въ отставку, вмѣстѣ съ уволеннымъ княземъ, котораго онъ любилъ, и, проживъ у него пѣсколько времени въ Саратовскомъ его помѣстьѣ, возвратился въ Петербургъ и чрезъ пять лѣтъ, т. е., въ 1808 г., опредѣлился въ Монетный департаментъ, гдѣ А. Н. Оленинъ былъ директоромъ. Въ этомъ году онъ участвовалъ въ Драматическомъ Вѣстникѣ, гдѣ были напечатаны многія изъ первыхъ его басенъ. И потомъ, чрезъ одинъ годъ съ не большимъ, проведенный въ службѣ, опредѣлился, въ 1812 году, въ Императорскую публичную бібліотеку, изъ которой въ 1841 году вышелъ въ отставку, въ чинѣ статскаго совѣтника, съ полученіемъ всѣхъ пенсій, дарованныхъ ему, какъ знаменитому писателю, Императоромъ Александромъ I, и щедро умноженныхъ царствующимъ Государемъ Императоромъ, всего до 12,000 рублей.

Въ молодости своей, не зная еще истиннаго своего назначенія, но кипя желаніемъ выразить свои чувства и мысли, Крыловъ испытывалъ себя въ разныхъ и почти во всѣхъ родахъ словесности; по первымъ его опытамъ въ стихахъ была басня, переведенная имъ на 14 году изъ Лафонтена, которую знатоки того времени, и между прочими И. И. Бецкій, хвалили; но время истребило ее. Потомъ онъ упражнялся преимущественно въ драматическомъ родѣ.

Лѣтъ за пять передъ смертію, я предлагалъ Ивану Андреевичу напечатать тѣ изъ своихъ сочиненій, которыя онъ найдетъ достойными своего имени. *Я и самъ объ этомъ думалъ, сказалъ онъ: но тогда приняться за это—не шутка; многое, или лучше сказать—все прежнее надобно передѣлать. Я былъ молодъ, все*

писалъ, что ни взбрѣдетъ бывало въ голову; много вздору. — *А вѣдь по смерти моей, можетъ быть, все напечатано.* *

Когда случалось повторять при немъ какую-нибудь шутку или фарсу изъ прежнихъ его комедій, онъ спрашивалъ: *откуда это? чье это?* Ваше, Иванъ Андреевичъ. — *Быть не можетъ!* — Да вотъ посмотрите, напечатано съ вашимъ именемъ. — *Я не помню ничего; это проказы молодости, это грѣхи прошлыхъ лѣтъ.*

Приступая къ исчисленію всѣхъ его сочиненій, по неволѣ долженъ я говорить и о тѣхъ его сочиненіяхъ, которыя онъ, какъ попытки, какъ проказы молодости, вѣроятно, желалъ бы истребить изъ памяти человѣческой; но, зная обязанность біографа и справедливое любопытство публики, я не смѣю умолчать о нихъ.

I. Въ 1784 году, т. е., 16-лѣтній Крымовъ написалъ оперу: *Кофейница*, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ съ куплетами — которая сохранилась въ рукописи. Пріѣхавши съ своею матерью въ Петербургъ, которая умно разсчитала, что способному и даровитому ея сыну лучше быть въ столицѣ, чѣмъ въ губернскомъ городѣ, какъ въ отношеніи къ службѣ, такъ и въ отношеніи къ дальнѣйшему его образованію, онъ написалъ эту оперу, и услышавъ о типографикѣ Брейткопфѣ, знатокѣ и любителѣ музыки, притомъ добрый челоѣкъ, явился къ нему съ первымъ своимъ сочиненіемъ, съ своею Кофейницею, просилъ положить на музыку куплеты и дать ходъ этой піесѣ. Брейткопфъ предложилъ ему за либретто 60 рублей ассигнаціями. У автора забилося отъ радости сердце: это былъ первый плодъ, первая награда за его юношескій литературный трудъ; но по страсти своей къ чтенію, онъ просилъ заплатить ему не деньгами, а книгами, и получилъ Расина, Мольера и Буало, что чрезвычайно его радовало и веселило престарѣлую его мать.

Прошло около 30 лѣтъ послѣ того, и судьба свела нашего Крылова съ Брейткопфомъ, тогда статскимъ и потомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, на службѣ въ Императорской публичной библіотекѣ. Брейткопфъ, не сдѣлавшій никакого употребленія изъ піесы, возвратилъ ее автору, который не

* Желательно, чтобы тѣ, которые имѣютъ право печатать сочиненія Крылова, напечатали только комедіи его: Модную лавку, Урокъ дочкамъ, басы, и нѣкоторыя мелкія стихотворенія.

безъ удовольствія взглянулъ на знакомый ему трудъ его молодости. Она не что иное, какъ дѣтское упражненіе. Вотъ ея содержаніе. Живущую въ деревнѣ вдову, помѣщицу, которая любитъ, чтобъ ее называли мамзелью, по очереди на ночь убаюкиваютъ молодые парни, рассказывая ей сказки. Одинъ изъ нихъ, Петръ, поетъ стихи:

Не одни лишь только сказки
Этихъ барынь веселятъ...
Да сказать, такъ вѣдь и таски
Намъ за то не миновать.

Этотъ Петръ любитъ горничную Ашоту и хочетъ на ней жениться; она согласна, и дѣло улаживается; но прикащикъ этой деревни, порядочный плутъ, хочетъ отбить у него невесту, чтобы самому на ней жениться. У помѣщицы пропадаетъ дюжина серебряныхъ ложекъ. Подозрѣніе наводитъ на Петра, потому что эта пропажа случилась въ его очередь сказывать сказки, и что онъ вышелъ послѣ всѣхъ изъ спальни помѣщицы, гдѣ онъ лежалъ на столѣ. Прикащикъ уговариваетъ барыню признать ворожею-кофейницу, которая навѣрное укажетъ вора. Ворожея, подкупленная прикащикомъ, обвиняетъ въ воровствѣ Петра, и прикащикъ настаиваетъ, чтобъ отдать его въ рекруты; тѣмъ и рѣшено. Послѣ этого ворожея требуетъ платы у прикащика, который отдаетъ ей нѣсколько серебряныхъ ложекъ, украденныхъ имъ въ спальнѣ. Въ эту минуту, барыня, прогуливавшаяся въ саду, нечаянно входитъ, и воровство открывается.

Новомодова, *(помѣщица.)*

Больше ни слова.—Это что за ложки?

Кофейница, *(испугавшись.)*

Мо...о...и, су...да...ры...пл.

Новомодова.

Какія прекрасныя.... Ба, ба, ба, да на нихъ мое клеймо

Кофейница.

Нѣтъ, мамзель.

Новомодова.

Какъ нѣтъ? я точно вижу, и это тѣ, которыя, я думала, что Петрушка укралъ, а это не его дѣло.

Петръ.

Я вѣдь вамъ сказывалъ, барыня, что я ихъ не бирывалъ, да и въ умъ не всходила такая чепуха.

Кофейница.

Мамзель, я также, право не знаю.

Новомодова (*прикащику.*)

Слушай, плутъ, это твое дѣло!

Прикащикъ (*становясь на колѣни.*)

Виновать, барыня, помплуйте!

Новомодова.

О, хорошо, тотчасъ помпую; я знаю какъ вашу братью миловать. Ты еще годишься въ рекруты и замѣнишь Петрово мѣсто.

Прикащикъ.

Ахъ, не погубите!

Новомодова.

А тебѣ плутовку сей же часъ отошлю въ городъ, и тамъ ты за твое плутовство будешь потолѣ сидѣть въ тюрьмѣ, поколѣ не погонять на поселеніе.

Кофейница.

Ахъ, мамзель, сжальтесь!

Новомодова.

Нечего жалѣть, коли самъ виноваты. И ложки-то у васъ не останутся жъ: сейчасъ подайте ихъ мнѣ.

Кофейница и Прикащикъ.

(*Подаютъ всякъ отъ себя ложки и говорятъ вѣзистъ*). Вотъ извольте.

Новомодова.

Ну, теперь готовьтесь (*прикащику*), ты въ рекруты, (*кофейницу*) а ты въ тюрьму. Гей, малой! (*входитъ слуга*). Возьми этого плута и эту мошенницу, и вели, чтобы ихъ на заперти держать до завтрашняго дня, а завтра я съ ними отираюсь въ городъ, а тамъ они за ихъ плутни наказаны будутъ. (*Слуга выводитъ прикащика и кофейницу.*)

Новомодова (*Петру.*)

А ты, сердечный Петръ, будь отъ сего времени прикащикомъ, и свадьбу твою съ Анютой я сыграю на свой коштъ, за претерпѣнный тобою страхъ, и деньги * также вы у меня возьмете.

Всѣ (*къ Новомодовой.*)

Покорно благодарствую, барыня!

Новомодова (*поетъ.*)

Теперь новымъ тебя чиномъ я дарю,
И сама твоей съ нимъ свадьбы посмотрю.

Всѣ (*Кромь Новомодовой.*)

Ну, теперь повеселимся:
Намъ не для чего тужить!
Другъ на дружку наглядимся,
Будемъ вмѣстѣ вѣчно жить!

Анюта.

Скоро буду я прикащику женою,
Веселитесь, друзья мои, со мною.

Всѣ (*кромь Новомодовой.*)

Ну, теперь повеселимся, и пр.

Финогенъ и Афросинья, (*родители Анюты.*)

Теперь оба мы счастливы, да и дочь;
Будетъ намъ кому на старости помочь.

Всѣ (*кромь Новомодовой.*)

Ну, теперь повеселимся, и пр.

Новомодова.

Ну, теперь повеселитесь:
Вамъ не для чего тужить!
Другъ на дружку наглядитесь,
Вмѣстѣ будете вы жить!

Это первый опытъ въ театральномъ родѣ 16-лѣтняго мальчика, будущаго знаменитаго Крылова. Все еще слабо и незрѣло; но видно умѣніе составлять и располагать пѣсню.

* Деньги за пропавшія ложки, которыя были впесены родителями Анюты, когда въ покражѣ покланяли честнаго Петра.

II. Клеопатра, трагедія. Крыловъ, оглушенный славою Сумарокова и Книжнина, котораго Рославъ, представляемый знаменитымъ Дмитревскимъ, гремѣлъ тогда на русской сценѣ, хотѣлъ испытать себя и въ трагическомъ родѣ. Онъ написалъ Клеопатру и обратился къ Дмитревскому, чтобы поставить ее на театрѣ. Дмитревскій добродушно и охотно выслушалъ трагедію, разбиралъ ея содержаніе, ходъ и характеры, дѣлалъ замѣчанія на каждую сцену, излагалъ правила, и старался передать молодому автору все, что самъ зналъ объ этомъ искусствѣ. Онъ хвалилъ то, что находилъ въ ней хорошаго, поощрялъ автора къ новымъ трудамъ и наконецъ съ кротостію далъ почувствовать, что трагедія въ такомъ видѣ не можетъ быть представлена на театрѣ, что нужно ее совершенно пересоздать и передѣлать.—Разсказъ этотъ о чтеніи съ Дмитревскимъ Крыловъ нерѣдко повторялъ, но говорилъ всегда объ одной трагедіи, и я относилъ этотъ разсказъ къ Филомелѣ; а теперь утверждаютъ, что это была *Клеопатра*. Не отвергая ея кратковременнаго существованія, съ достовѣрностію можно заключить, что она написана между Кофейницею и Филомелою, т. е., въ 1785 году, на 17-мъ году жизни юноши.

Вѣроятно авторъ охладѣлъ къ ней, не имѣлъ духу передѣлывать, и рукопись его исчезла, какъ и многія другія, что увидимъ въ—послѣдствіи.

III. Филомела, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Ивана Крылова, сочиненная въ 1786 году, напечатана въ 1793 году.

Въ молодости моей, говорилъ мнѣ въ послѣдніе свои годы Крыловъ, я все писалъ, что ни попало, была бы только бумага, да чернила; я писалъ и трагедію; она напечатана была въ Россійскомъ Театрѣ, въ одномъ томѣ съ Вадимомъ Княжнина, съ которымъ вмѣстѣ и исчезла, да и радъ тому: въ ней ничего путнаго не было; это первая давнишнія мои попытки.

Мнѣ посчастливилось отыскать и прочесть эту Филомелу, и если бы она написана была Крыловымъ въ зрѣлыя его лѣта, я сказалъ бы вмѣстѣ съ нимъ: въ ней ничего путнаго нѣтъ; но это одинъ изъ опытовъ 18-лѣтняго поэта, конечно весьма незрѣлый, но любопытный; видно, что онъ еще ничего болѣе не читалъ, кромѣ Сумарокова и Княжнина; форма трагедіи, языкъ—все ему отзывается. Не рожденный первенствовать въ этомъ родѣ поэзіи, онъ ничего не обнаружилъ собственнаго, а

только, увлеченный ихъ тогдашнею извѣстностію, былъ ихъ отголоскомъ. Помня слова автора, я не хотѣлъ бы разсказывать ея содержанія: но, какъ! скажетъ читатель, найти, прочесть трагедію знаменитаго Крылова вовсе неизвѣстную—и не ознакомить насъ съ нею, каковѣ бы она ни была? Это литературная татьба! Нехотя повинуюсь; вотъ ея содержаніе:

Прогнея, царица Оракійская, сѣтуетъ вмѣстѣ съ Липсеемъ, влюбленнымъ въ Филомелу, ея сестру: она—объ отъѣздѣ въ Аѳины Терей, Оракійскаго царя, ея супруга, за любимую ею сестрою, жившею въ Аѳинахъ у своего отца, и по прошествіи года еще не возвращающихся, а онъ—о Филомелѣ, и ждутъ ихъ возвращенія. Вотъ сѣтованія Липсея:

Изъ града своего въ сей градъ я удалился,
И зрѣть сестру твою мечтой пріятной льстился;
Но боги, разлуча невинныхъ сердца,
Еще не дѣлаютъ напастямъ ихъ конца.
Надежда есть, но ахъ, когда она напрасна....
О небо! для меня и мысль сія ужасна.

Вотъ сѣтованія Прогнея:

Мнѣ сердце скорбное тоска свирѣпа рветъ,
И мѣста въ сердцѣ семъ надеждѣ не дастъ....
Мнѣ представляется ревуща моря бездна...
Супругъ возлюбленный! сестра моя любезна!...
Въ какой гибели я зрю разимыхъ васъ!
Терей и тебя средь волнъ я вижу мертву...
Принесшихъ жизнь твою Прогнеѣ бѣдной въ жертву!
Вы тонете.... я васъ въ сію напасть ввела!...
Вы въ адъ выходите, чиня мнѣ бѣдной пени!...
Остановитесь, драгія сердцу тѣни!
Безъ васъ противнымъ чтя любезный прежде градь,
За вами я спѣшу во мрачный свити адъ...
Безъ васъ я болѣе утѣхъ не обрѣтаю....
Я тартаромъ безъ васъ вселенну почитаю!

Въ этомъ печальномъ положеніи они вопрошаютъ жреца Калханта, который предвидитъ одни ужасныя бѣдствія. Оплакиваемый Терей однако жъ возвращается, только безъ Филомелы, которую, по его словамъ, вихрь сорвалъ съ палубы корабля въ море, когда уже ихъ корабль достигалъ Оракійскаго берега. Но онъ солгалъ; онъ гдѣ-то скрылъ ее, и Филомела, освобожденная любезнымъ ей Липсеемъ изъ заключенія, является и объявляетъ сестрѣ своей, что Терей, пылая къ ней непоколебленною страстію, выдумалъ ея смерть, чтобы, скрывши ее